

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА
ИМЕНИ А.С. ПУШКИНА

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

**ЕКАТЕРИНА ВЕЛИКАЯ:
ПИСАТЕЛЬ, ИСТОРИК, ФИЛОЛОГ**

СБОРНИК НАУЧНЫХ РАБОТ,
ПОДГОТОВЛЕННЫЙ ПО МАТЕРИАЛАМ
ЧЕТВЕРТЫХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ,
ПОСВЯЩЕННЫХ ТВОРЧЕСТВУ
ЕКАТЕРИНЫ II

Москва
2011

ББК 83
Е45

*Рекомендовано к изданию
Ученым советом Государственного института русского языка
имени А.С. Пушкина*

Рецензенты:
доктор филологических наук, профессор В.И. Аннушин
доктор филологических наук, профессор М.И. Никола

Под редакцией Е.К. Петровной, Е.В. Сомовой, С.Н. Травникова

Редколлегия выражает благодарность молодым сотрудникам кафедры мировой литературы Е.А. Пантелейевой и М.К. Парамоновой за помощь в подготовке и оформлении сборника.

E45 Екатерина Великая: писатель, историк, филолог: Сборник научных работ, подготовленный по материалам Четвертых научных чтений, посвященных творчеству Екатерины II / Под научными чтениями, посвященных творчеству Екатерины II. – М., ред. Е.К. Петровной, Е.В. Сомовой, С.Н. Травникова. – М., 2011. – 304 с.

ББК 83

В сборнике «Екатерина Великая: писатель, историк, филолог» представлены материалы четвертых научных чтений филологического факультета Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина, посвященные творчеству императрицы Екатерины II.

Сборник посвящен деятельности историка, писателя, педагога, теоретика литературы XVIII столетия Екатерины II. Тщательно отобранный материал позволяет выявить закономерности русского историко-литературного процесса XVIII века, национальное своеобразие литературных жанров, основные факторы, оказавшие влияние на их формирование, роль традиций и новых образований, их трансформацию в русской литературе эпохи Просвещения, композиционное своеобразие, выразительные средства и индивидуальные особенности стиля Екатерины II. Авторы статей обращаются к актуальным проблемам изучения литературного наследия императрицы, его связей с современным развитием русской филологической мысли.

Сборник статей предназначен для исследователей и преподавателей литературы, всех, кого интересуют труды выдающейся исторической личности и писателя Екатерины Великой. Материалы могут быть использованы в учебном процессе – в преподавании русского языка, литературы, риторики.

© Государственный институт русского языка
имени А.С. Пушкина, 2011.
© Авторский коллектив, 2011.

Содержание

НАУЧНОЕ, ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОЕ, ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ И ЭПИСТОЛЯРНОЕ НАСЛЕДИЕ ЕКАТЕРИНЫ II. ОБРАЗ ИМПЕРАТРИЦЫ В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННИКОВ	5
Приветственное слово ректора Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина Ю.Е. Прохорова	7
Авдюшина А.Ю., Телегина Е.Е. «Любитель российских древностей» Екатерина II	10
Аннушкин В.И. Екатерина Великая – в заботах о русском языке, Академии Российской и словесных наук	16
Донская Н.А. Самопиар правящего гастральтера (по «Мемуарам» Екатерины Великой)	28
Жигимитова Л.А. «Если б Ваше Величество совершенно перестали писать мне, я конечно потерял бы тогда величайшее наслаждение, величайшую отраду своей жизни...» (переписка Екатерины II с бароном Ф.М. Гриммом)	37
Люстров М.Ю. Шведский король Густав III о Екатерине II: порочная Семирамида или добродетельная Изабелла	43
Мстиславская Е.П., Платонова Н.В. Политический портрет Екатерины II в русской культуре XVIII века	47
Ощепков А.Р. Образ Екатерины Великой в «Секретных мемуарах» Ш. Массона	58
Соломонова А.А. Педагогические воззрения Екатерины II	68
ЕКАТЕРИНА II КАК ПИСАТЕЛЬ	75
Алексеева Ю.Б. История создания, публикации и театральных постановок комедии Екатерины II «О время!»	77
Алпатова Т.А. «Были и небылицы» Екатерины II и проблемы оформления русского стернианства	84
Ольшевская Л.А., Травников С.Н. «Олег муж мудрый и воин искусный и храбрый» (поэтика исторической хроники Екатерины II «Начальное управление Олега»)	89
Орличук Ю.Б. Прозиметрия в драмах Екатерины Великой	109
Салова С.А. Екатерина II, Вольтер, Державин: о контексте оды «Фелица» ..	117
Соколовская Т.Д. Дидактические штуфии Екатерины Великой	123
Харина А.А. «В символе – или сокрытие, или откровение...» (природные образы-символы в литературных сказках Екатерины II)	129
ЭПОХА ЕКАТЕРИНЫ II: ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНТЕКСТ	135
Аликова Е.А. Сакрализация ребенка в русской женской поэзии конца XVIII – начала XIX столетий	137
Бакиров Р.А. Маска «простака» в поэзии Н.А. Львова: «Песнь норвежского витязя Гаральда Храброго...»	143
Закирова Н.Н., Щенина Т.Е. Российская юстиция в эпоху правления Екатерины Великой	149
Клишина О.С. Провинциальное дворянство эпохи царствования Екатерины II глазами русских писателей-реалистов XIX века: этнокультурный аспект	155

удовлетворить его требования? Хочет и денег и половину Финляндии. Я рада, что на время могла его занять французскими делами» (Храповицкий 1990, с. 246).

В русских сочинениях екатерининской эпохи российская императрица называлась Минервой, Палладой, Семирамидой, Астreeей (Проскурина 2006, с. 59), но не Изабеллой. Вероятно, этот персонаж нуждался в мужской «паре», которую русские панегиристы не видели и не искали. Сопоставляя Екатерину с отмеченными персонажами, Густав отражает весь спектр возможных ассоциаций: от крайне отрицательных до положительных, от порочной Семирамиды до добродетельной Изабеллы, от беззаконной завоевательницы до справедливой освободительницы.

Литература

1. Гrott Я.К. Екатерина II и Густав III. – СПб., 1877.
2. Долинин А.А. Северная Семирамида. Примечания к докладу «Пушкин и Байрон: новые замечания к старой теме», прочитанному на Тыняновских чтениях 2006 года и, кажется, понравившемуся Кириллу Юрьевичу Рогову // Кириллица, или Небо в алмазах: Сборник к 40-летию Кирилла Рогова // www.ruthenia.ru/document/539839.html.
3. Емельянов В. Ассирия и Вавилон в русской литературе XVIII века // Труды VII международной летней школы по русской литературе (в печати).
4. Кукушкина Е.Д. Густав III в русской литературе XVIII века // XVIII век. – СПб., 2008.
5. Люстром М.Ю. Русско-шведские литературные связи в XVIII веке. – М., 2006.
6. Проскурина В.Ю. Мифы империи. Литература и власть в эпоху Екатерины II. – М., 2006.
7. Храповицкий А.В. Памятные записки. – М., 1990. (Репринтное воспроизведение издания 1862 г.).
8. Boberg St. Kunglig krigspropaganda. – Göteborg, 1967.
9. Holberg L. Samlede Skrifter. – København, 1939. – Bd.16.
10. Lönnroth E. Den stora rollen. Kung Gustaf III spelad av honom själv. – Stockholm, 1986.
11. Odhner C.T. Gustaf III och Katarina II efter freden i Värälä. – Stockholm, 1895.
12. Olausson M. Katarina den Store och Gustav III. En månad i St. Petersburg. – Stockholm, 1998.
13. Proschwitz Gunnar von (red.). Katarina II och Gustaf III: en återfunnen brevväxling. Tolkning, inledning och kommentar av Gunnar von Proschwitz. – Stockholm, 1998.
14. Skuncke M-Ch. Gustaf III:det offentliga barnet en prins retoriska och politiska fostran. – Stockholm, 1993.

Мстиславская Е.П., Платонова Н.В.

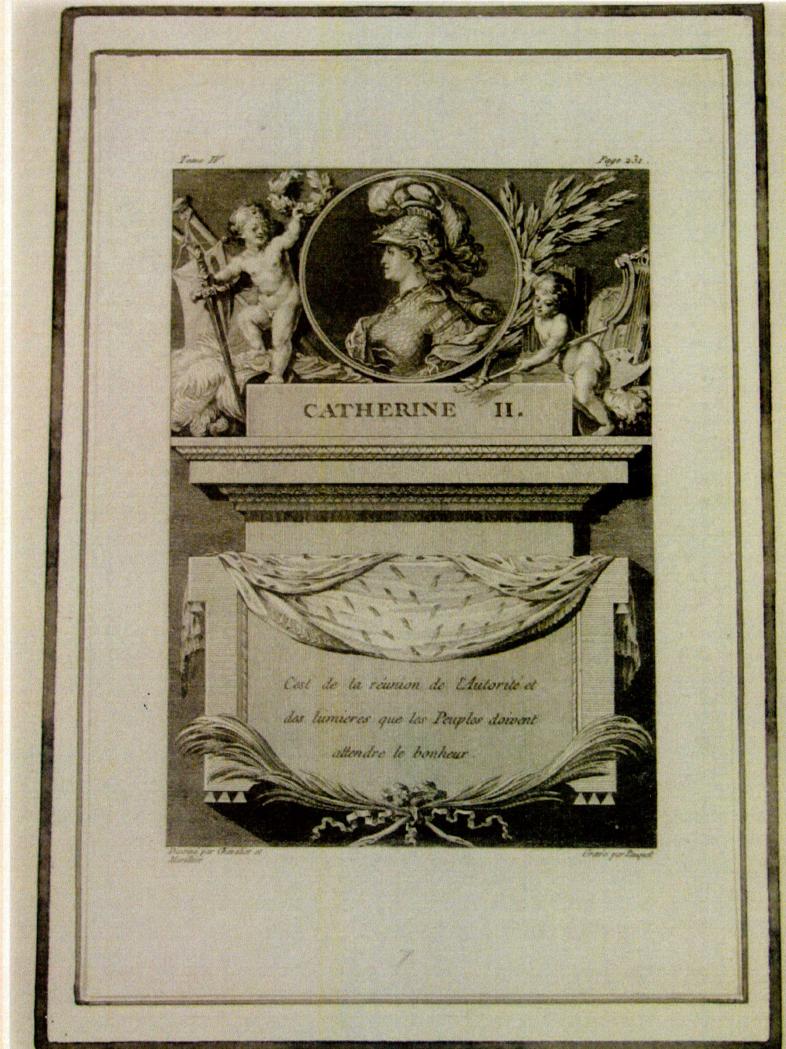
ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ЕКАТЕРИНЫ II В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ XVIII ВЕКА

Одно из распространенных явлений культуры – создание образа государственного и политического деятеля в словесном или изобразительном искусстве. В данной статье мы попытаемся раскрыть содержание политического портрета Екатерины II сквозь призму стихотворных произведений, книжной и станковой графики и живописи XVIII в.

Последовательная реконструкция иконографии Екатерины II – непростая задача для современного исследователя (Гаврин 2003; Гаврин 2004; Гаврин 2004а; Еванголова, Карев 1994; Лупанова 2006; Чебанюк 1999; Экштут 1997). Сочетание различных методологических подходов, предложенных сегодня социальными и философскими науками, обновленной политической историей, культурологией, искусствоведением, литературоведением, визуальной антропологией, дает возможность лучше осмыслить ее содержание. Чтобы понять, как формировался образ русского самодержавия, воссоздать процесс его конструирования, показать, в чем состоит передаваемое им коммуникативное послание, и как оно было художественно реализовано, необходим совокупный анализ вербальных описаний и визуальных источников и их включенности в конкретный социокультурный и политический контекст. Это означает рассмотрение проблемы власти в такой перспективе, когда в центре внимания оказываются не только политические институты, но, прежде всего, культурные механизмы функционирования власти. Под этим мы понимаем представления о ней в обществе, формы ее презентативности, семантические аспекты политической жизни. Исследование феномена власти, идей и концептов государственности и их воплощения в культуре и в общественном сознании стало одним из важных и динамично развивающихся в последние годы направлений в изу-

чении политической истории – «новой политической истории». Основы были заложены еще в начале XX в. фундаментальными трудами Э. Дюркгейма, Дж. Фрэзера, П.Э. Шрамма, французского историка и основателя школы «Анналов» М. Блока («Короли-чудотворцы», 1924), Э. Канторовича («Два тела короля», 1957 г.), М. Вебера, а также в рамках историко-антропологических исследований 80–90 гг. (см. подробнее: Бессмертный 1995; Кромм 2001). Среди них особо следует отметить книгу П. Берка, выразительно названной «Фабрикация Людовика XIV» (Burke 1992), где показано, каким образом творился памятный всей Европе образ Короля-Солнца, а также поставлен вопрос об эффективности этой пропаганды, три коллективных сборника (Царь и царство... 1999; Flier, Rowland 1994; Gaehtgens, Hochner 2006) и работы Р. Уортмана, Б.А. Успенского, М.А. Бойцова, П.В. Лукина (Wortman 1995–2000; Успенский 1994; Успенский 2000; Бойцов 1995; Лукин 2000).

По традиции, берущей начало в эпоху античности, деяния и внешний облик монарха при его жизни подлежали отражению в официальном искусстве, которое носило придворный характер. В России XVIII в. Екатерине II посвящено большое число изобразительных, литературных и публицистических произведений, созданных современниками на всем протяжении ее царствования. В это время были проведены важные административные реформы и дан новый импульс развитию промышленности и торговли. Российская империя расширила свои границы и упрочила свой международный престиж активной внешней политикой. Под покровительством императрицы, которая чувствовала себя просвещенным монархом, в стране начался расцвет науки, литературы и искусства. Он был отмечен влиянием общеевропейских тенденций искусства и философии Просвещения (Евантурова 2007; История русского искусства 1961; Каменский 1999; Омельченко 1993). Вместе с тем панегирическая литература и искусство приобрели своеобразный характер в России. Деятелями русской культуры изначально выступали представители российской элиты, у которой к середине века сложилось представление, что художественное творчество, наряду с наукой, – «один из действенных путей изучения мира и познания истины» – и об общественной функции искусства как важнейшей (Валицкая 1983, с. 77, 113). Помимо фиксации событий царствования Екатерины II в торжественных одах, эпистолах, поэмах, живописных и графических произведениях, сложных по замыслу и композиции, отразились собственные общественно-политические взгляды их авторов. Рассуждения о власти, «уроки», наставления, пожелания правителю, высказанные русскими просветителями, художниками



Илл. 1. Бугреев И.Н.
Портрет Екатерины II.
Вторая половина XVIII века. Гравюра



Илл. 13. Левицкий Д.Г.
Портрет Екатерины II – законодательницы
в храме богини Правосудия.
1783. Холст. Масло

и поэтами, направлены на создание идеала совершенного монарха. Изображая Екатерину II в различных ипостасях и на разных этапах ее жизни и деятельности, А.П. Сумароков, Г.Р. Державин, И.Ф. Богданович, М.М. Херасков, В.В. Капнист, И.Б. Лампи, Д.Г. Левицкий, В.Л. Боровиковский, Ф.С. Рокотов, И.П. Аргунов, Ал.П. Антропов, Е.П. Чемесов внесли своими произведениями значительный вклад не только в трактовку ее образа как такового, но и в распространение концепции просвещенного абсолютизма в России. Они явились проводниками в русской литературе и искусстве идеи «философа на троне» как идеального правителя и просвещенного абсолютизма как наиболее приемлемой для России формы государственного устройства.

По справедливому замечанию Ю.М. Лотмана (Лотман 2002, с. 349–375), портрет является наиболее метафорическим и наиболее философским жанром живописи и литературы. Здесь ранее всего утверждается особая система изобразительного языка, основанная на применении не аллегории, как это традиционно считалось в советской науке (Краткая литературная энциклопедия 1962, с. 160–161), а на использовании многозначного образа, на полисемантизме словесных и изобразительных составляющих «символа» и «эмблемы», ставших общими формами образно-философского и понятийного европейского мышления нового и новейшего времени. Символы и эмблемы в контексте композиции парадного портрета и сюжетной картины в живописи, в книжной и станковой графике, а также в тексте стихотворения, стали вместилищем связанных с определенным понятием или предметом «мифа» – буквально древнегреческого (или древнеримского) мифа или обусловленного историческими, политическими, философскими, религиозными, эстетическими представлениями, свойственные менталитету русского человека второй половины XVIII в. (Вовк 2008; Максимович-Амбодик 1811; Садков 2004; Смирновский 1912; Энциклопедия... 2005). Именно синтез ряда значений в одном образе, предмете, определенный культурой «символа» и «эмблемы», по нашему мнению, содействовал формированию полисемантизма языка русской поэзии и обретению им особой информативности. Эти особенности обуславливают и то, что портрету в поэзии и изобразительном искусстве свойственна философичность – создание художником и поэтом обобщенного многозначного образа.

Оба качества портрета – и метафоричность, и философское начало – проявились в императорском портрете Екатерины II максимально ярко. Русское искусство XVIII в. оставил образцы парадного, полу парадного «кабинетного» и лирического «камерного» –

интимного ее портрета (см. подробнее: Гаврин 2004, с. 272–319; Гаврин 2004а, с. 191–129; Чебанюк 1999, с. 87–93, 98–107). В живописных портретах, графике и лирике книги стихов преобладает презентация образа Екатерины II как законодательницы, идеолога гражданского общества и покровительницы наук и искусств, городов, торговли, ремесел, где мудрость, доброта и справедливость выступают как определяющие качества государственного деятеля. Поэтому вполне естественно, что наиболее распространенным и особенно любимым самой Екатериной было ее словесное и изобразительное представление в образе древнеримской богини Минервы, иконография которого включала все перечисленные выше понятия. Другой ипостасью образа Минервы выступает образ Афины-Паллады, любимой дочери бога богов Зевса, соответствующий Минерве в древнегреческой мифологии. Примером может служить «Коронационный портрет Екатерины II» (1763–1766, ГРМ) в образе Минервы в шлеме, латах, со щитом и копьем кисти С. Торелли. Хорошо отражена Екатерина II в образах названных мифологических персонажей и на фронтисписах и заставках книг стихов, изображениях и надписях к гравюрам. Например, работа гравера И.Н. Бугреева на заглавном листе «Придворного календаря на 1775 год» (РГБ, илл. № 1); гравюра анонимного автора «Триумф императрицы Екатерины II» (1792 г., ГМЗ «Петергоф»); медаль (барельеф) работы неизвестного художника XVIII в. (Еванголова, Карев 1994, с. 40); фронтиспис книги Капниста, посвятивший Екатерине II свои «Лирические сочинения» (1806) – гравюра Д. Сандерса по рисунку Щустова.

В книгах стихов Сумарокова («Разные стихотворения», 1769 г.; «Оды торжественные» 1774 г.), Богдановича («Лира, или Собрание разных в стихах сочинений и переводов некоторого муз любителя», 1773 г.), Хераскова («Творения», Ч. 7, 1802), Державина («Сочинения», 1798 г., «Сочинения», Ч. 1, 1808), Капниста («Лирические сочинения», 1806 г.) для воссоздания Екатерины II в образе Минервы или Афины-Паллады часто использовались названные имена-образы и понятия в ораторской фразе и риторической фигуре стихотворного текста. Обязательные символы власти – «Корона», «Престол», «Скипетр», «Порфира» – семантически определяются контекстом символов и эмблем, включающих комплекс значений, выражающих политический кодекс просвещенного монарха: «Закон», «Добротель», «Разум», «Просвещать» («Наставлять»), «Общая польза», «Суд», «Истина», «Правда», «Астрея» (царство справедливости), «Плоды» (результат деятельности), «Мудрость», «Милость», «Милосердие», «Победа», «Меч» (стремление к защите Отечества), «Мир» («Тишина»),

«Покой»), «Аполлон», «Лира», «Грации», «Парнас», «Музы», «Науки». И как результат – «Бессмертие», «Торжество», «Лавры», ожидающие императрицу (Сумароков 2009, с. 1–106, 21–256).

В парадном портрете императрицы, наряду с обязательными атрибутами государственной власти – скипетром и державой, – обычной деталью композиции становится: письменный стол (на всех портретах один и тот же), рукописи, книги, письменный прибор, свидетельствующие о постоянной ее личной работе над текстами законодательных актов, указов и распоряжений и об ее интеллектуальных интересах. За исключением считанного числа ранних портретов, где Екатерина показывается со скипетром в руках, в большинстве других портретов она стоит/сидит за столом, на котором лежат символы власти или рукописи и книги. Одновременно властный указующий жест правой руки символизирует о долгे перед Отечеством, воле к реформам и интенсивной законотворческой деятельности императрицы. Таковы «Портрет вел. кн. Екатерины Алексеевны» (1762 г.) кисти Аргунова, где будущая императрица стоит возле письменного стола с рукописью в руках (илл. № 2); «Портрет Екатерины II», выполненный Ф.С. Рокотовым (1762, ГТГ, илл. № 4); портрет-миниатюра с изображением Екатерины II, пишущей текст «Наказа», автор которого неизвестен (вторая половина XVIII в.) (Гаврин 2004а, с. 194–195); «Портрет Екатерины II» А.П. Антропова (1766, Тверская картинная галерея); «Портрет Екатерины II» Левицкого (1782, ГМЗ «Павловск», илл. № 3), который представляет ее в русском, красного цвета национальном костюме у письменного стола с рукописями и книгами, чернильным прибором и гусиным пером. Другой характерной деталью парадных и полу парадных портретов становится изображение не в короне, а с лавровым венком. Например, на «Портрете Екатерины II – законодательницы в храме богини Правосудия» Левицкого (1783, ГТГ, ГРМ, илл. № 13) и рисунке неизвестного художника – профильном погрудном изображении в лавровом венке конца 1780–1790 гг. (ГТГ), а также на многочисленных гравюрах (РГБ, илл. № 7). В ряде произведений, отдающих предпочтение философско-метафорическо-му и символическому осмыслению образа императрицы, отражены отдельные моменты и факты ее биографии и государственного правления. Например, составление «Наказа» на уже упоминавшемся портрете; рисунок Фордана и Ф. Майса (1787–1788, ГТГ); гравюра с него же Ж.-Ж. Авриля «Екатерина II, путешествующая в своем государстве в 1787 году» (1796, ГТГ).

Одной из наиболее часто встречающихся в книгах стихов деталей политического портрета является образ-символ «Истина»

(«Правда»). К ее достижению, по представлению их авторов, стремилась императрица в своей государственной деятельности. То же понятие, но уже в качестве эмблематического изображения, активно эксплуатируется в портретных изображениях Екатерины. Екатерине II нравились ее портреты, деталью композиции которых выступало «Зеркало». Таковы полотно В. Эриксена «Екатерина II перед зеркалом» (1779, ГРМ, илл. № 5) и упоминавшаяся гравюра «Триумф императрицы Екатерины II» (1792). В этой эмблематической композиции Минерва держит в руках зеркало с портретом Екатерины. Здесь же – изображение Веры с крестом в руках, Правосудия с весами. Отметим также цельногравированный титульный лист «Сочинений» Г.Р. Державина (илл. № 6). Книга издана в 1798 г. в Москве по инициативе графа И.И. Шувалова, «под присмотром» Н.М. Карамзина, и в основном воспроизводит роскошный рукописный подносной экземпляр сборника стихотворений 1795 г., но без миниатюр-заставок и концовок к одам. На титульном листе награвирована виньета, на которой изображена сидящая на берегу ручья в купах зелени Минерва в шлеме и античном одеянии со щитом в руке. На щите, обращенном воображением художника или поэта в «зеркало», – портрет Екатерины II. Согласно традиции эмблематики XVIII в. «Зеркало» означает: «От движения светлее», «Чем больше меня движут, тем больше сияю». Зеркало – атрибут «Истины»: «Истина, или, Правда, дочь времени и мать добродетели...». Оно же воплощает понятия: «Истину вещаю»; «Никому не прощает. Не покрывает ничьих пороков». Эмблематическое изображение «зеркала» воспроизводится в портретах Екатерины и потому, что эта эмблема служила оправданием божественного предназначения монаршей власти. «Непременное провидение. Божию предопределению противиться не должно» – гласит девиз эмблемы. В этом контексте в книгах стихов часто возникают образы-символы – «Бог», «Творец» и «Создатель».

«Наука» – одно из ключевых понятий эпохи Просвещения. Императрица была особенно озабочена ее развитием в России. Эта тема отражена в графике титульного листа «Сочинений» Державина благодаря эмблеме «зеркала». «Наука вообще изображается престарелою женою... иногда держащей зеркало...». Семантика эмблемы «Зеркала» связана и с понятием искусства. «Зеркало» «посвящено» богине красоты Афродите и является атрибутом «Сирены», которая «означает приятность слов, гласа, пения, роскоши и прельщения» (Максимович-Амбодик 1811, № 71, 84, 97, 115, 119, 127, 133, 145, 227, 249, 275, 266, 312, 315, 734).

Во второй половине XVIII в. многие произведения русской живописи и графики выполнены в жанре интимного и камерного портрета, целью которого было раскрыть богатый внутренний мир личности, ее чувства и переживания, интеллектуальные и эстетические увлечения. Внимание портретистов сосредотачивается не только на эмблематических атрибутах, сопровождающих изображение человека, но на отображении выражения глаз и других физиognомических особенностях лица портретируемого (Еванголова, Карев 1994, с. 39–144; История русской живописи... 2006, с. 16–87).

Камерные портреты Екатерины II были одними из первых образцов в данном жанре. Они были созданы, чтобы подчеркнуть незаурядный характер личности царствующей особы, обладавшей проницательным умом, склонностью к рефлексии, мечтательности и чувствительности, утонченным эстетическим и любовным переживаниям, целеустремленностью и умением разобраться в людях. Примерами таких портретов являются: работа Боровиковского «Екатерина II на прогулке в Царскосельском парке с любимой левреткой» (1794, ГТГ, ГРМ, илл. № 8), карандашные рисунки Ф.И. Шубина «Портрет Екатерины II в старости» (конец 1780–1790, ГТГ) или мечтательный, полный лиризма, образ на портрете работы И. Саблукова (1770). Особенно выразительны полотно Анtronопова «Портрет вел. кн. Екатерины Алексеевны» (копия с портрета С. Ротари, вторая половина XVIII в., илл. № 9) и гравированный портрет Екатерины II, исполненный Е. Чемесовым с оригинала П. Ротари (1762, РГБ, илл. № 10) с надписью в стихах Е.Р. Дашковой, а также рисунок «Портрет Екатерины II» С. Муровинина и В.К. Шебуева с живописного оригинала И.Б. Лампи (1793, ГТГ, илл. № 11) и цветная гравюра с портрета работы Левицкого.

Любовь к Отечеству и всему русскому, национальному, нашла отражение в серии графических и живописных портретов императрицы в национальных русских костюмах. Например, «Портрет Екатерины II в шуге и кокошнике» (1769–1772, ГЭ) В. Эриксена (илл. № 12). Демонстрируя визуально русскость, Екатерина стремилась таким образом подчеркнуть культурные основы своей власти и легитимировать свои права на российский престол.

Психологизм и стремление представить духовный облик свойственен не только камерным, но и парадным и полупарадным «кабинетным» портретам Екатерины II. Их авторы стремились донести до подданных обаяние и внутреннюю силу личности императрицы, богатство ее внутреннего мира, определявших содержание и направленность ее деятельности. Трактовка царского портрета с

точки зрения жанрового, стилистического и смыслового решения русскими художниками в известной степени опережала основные эстетические тенденции искусства и литературы второй половины XVIII в. Здесь переплелись традиции барокко и классицизма, но рано проявилось влияние сентиментализма и реализма.

В поэзии XVIII в. образ Екатерины II может быть прочитан только мозаично. Постепенно, в процессе чтения книги стихов, а также прижизненных отдельных и журнальных публикаций од – от первого до последнего стиха, в порядке, определенном автором текста, – его можно восстановить по фрагментам, т.е. элементам портрета, которые как бы рассыпаны по отдельным строфам и одам. Где упомянуто об одном качестве, где – о другом, нередко – рефреном в разных одах. Эта особенность объясняется тем, что торжественная ода – крупное лирическое ораторское произведение, многотемное по охвату материала. И даже в каждой отдельной строфе затрагивается несколько тем. Объединяющим моментом служит предмет лирического повествования – тема государя. Но целостного портрета ода не дает. Целостность произведению придавали образно-стилистический, риторический и ораторский, и метро-ритмический параметры, и основная тема. И только в книгах стихов Державина впервые в русской литературе создан обращенный к ней цикл из 10-ти стихотворений, в который вошли и «Ода к Фелице», «Благодарность Фелице», «Видение Мурзы» и «Изображение Фелицы». Цикл не озаглавлен, но стихотворения сгруппированы в одно целое и расположены в начале рукописи 1796 г. и изданий 1798 и 1808 гг., где представлен многогранный – не только философски, но и психологически осмысленный – ее портрет как человека и монарха в неразрывной связи. В поэзии Державина проявились элементы сентиментализма и реализма, культ личностного начала и ценности человеческих качеств, что способствовало преодолению одностороннего представления образа самодержца искусством барокко и классицизма и созданию целостного политического портрета, разносторонне рисующего личность государя. В книге стихов Сумарокова (Сумароков 2009) с образом Екатерины II связаны такие понятия внутреннего облика человека высокой нравственности, как «Гордость», «Честь», «Дух» (душа, настроение), «Сердце», «Любовь», «Очи» («Око»), «Жизнь», «Надежда» («Мечта»), «Естество».

Иконография Екатерины II в русской поэзии, графике и живописи XVIII в. представляет собой исключительное явление в истории мировой культуры. Она не знает себе равных ни по количеству иконографического материала, ни по его своеобразному содержанию и художественному исполнению. Насчитывается

множество ее портретов. Одним только Д.Г. Левицким было создано около двадцати. Д.А. Ровинский указывает около 200 графических портретов (Ровинский 1886–1889). Значительное число изображений императрицы хранится в крупнейших музеях Москвы, Петербурга и удаленных регионов. Прижизненные издания книг стихов поэтов XVIII в., посвященных Екатерине II, выставлены на сайте Отдела редких книг Санкт-Петербургского университета и доступны в крупнейших библиотеках страны.

Литература

1. Бессмертный Ю.Л. Некоторые соображения об изучении феномена власти и о концепциях постмодернизма и микроистории // Одиссей. Человек в истории. – М., 1995.
2. Блок М. Короли-чудотворцы: Очерк представлений о сверхъестественном характере королев. власти, распростран. преимущественно во Франции и в Англии. – М., 1998.
3. Бойцов М.А. Скромное обаяние власти (К облику германских государей XIV–XV вв.) // Одиссей. Человек в истории. – М., 1995.
4. Буркова Т. Екатерина II. – СПб., 2008.
5. Валицкая А.П. Русская эстетика XVIII века. Историко-проблемный очерк просветительской мысли. – М., 1983.
6. Вовк О.В. Энциклопедия знаков и символов. – М., 2008.
7. Гаврин В.В. «Венценосна Добродетель!»: риторика императорского портрета: Иносказательность изображений Екатерины Великой в парадном портрете // Искусствознание: Журнал по истории и теории искусства. – 2003. – № 2.
8. Гаврин В.В. «Государственный миф» в аллегорических изображениях Екатерины Великой: от утопии до трагедии / XVII век: между трагедией и утопией: Сб. науч. тр. Московский государственный открытый педагогический университет им. М.А. Шолохова. – М., 2004. – Вып. 1.
9. Гаврин В.В. «Подпора царственного зданья...»: портрет государственного деятеля как аллегория // Искусствознание: Журнал по истории и теории искусства. – 2004(а). – № 1.
10. Евангулова О.С., Карев А.А. Портретная живопись в России второй половины XVIII века. – М., 1994.
11. Евангулова О.С. Русское художественное сознание XVIII века и искусство западноевропейских школ. – М., 2007.
12. Екатерина Великая и Москва. Каталог выставки. – М., 1997.
13. История русского искусства. – М., 1961. – Т. 7. Живопись второй половины XVIII века. Рисунок и гравюра второй половины XVIII века.
14. История русской живописи XVIII века. – М., 2006.
15. Каменский А.Б. От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века: Опыт целостного анализа. – М., 1999.

16. Краткая литературная энциклопедия. – М., 1962. – Т. 1.
17. Кромм М.М. Политическая антропология: новые подходы к изучению феномена власти в истории России // Исторические записки. – М., 2001. – Вып. 4. – № 122.
18. Лотман Ю.М. Статьи по семиотике культуры (Серия «Мир искусства»). – СПб., 2002.
19. Лукин П.В. Народные представления о государственной власти в России XVII века. – М., 2000.
20. Лупанова М.Е. К портрету императрицы Екатерины II / Запад, Восток, Россия в новое и новейшее время: история, политика, международные отношения, право: Сб. науч. статей аспирантов и молодых ученых. – Владимир, 2006. – Вып. 3.
21. Максимович-Амбодик Н.М. Избранные эмблемы и символы на русском, латинском, французском и английском языках, объясненные прежде в Амстердаме, а потом во граде Св. Петра 1788 г. с приумножением изданных..., СПб., 1811.
22. Морозова С.В. Портрет в русской гравюре XVIII века. Аннотированный альбом-кatalog. – М., 2010.
23. Омельченко О.А. «Законная монархия» Екатерины Второй. – М., 1993.
24. Рисунок XVIII века. Каталог собрания. Государственная Третьяковская галерея. – М., 1996.
25. Ровинский Д.А. Подробный словарь русских гравированных портретов. – 2-е изд. – Т. 1–4. – СПб., 1886–1889.
26. Русский гравированный портрет XVII – начала XIX века. Каталог выставки. – Л., 1989.
27. Рязанцев И.В. Екатерина II в зеркале античной мифологии / Русская культура последней трети XVIII века – времени Екатерины Второй. – М., 1997.
28. Садков В.А. Зримый образ и скрытый смысл. Аллегории и эмблематика в живописи Фландрции и Голландии второй половины XVI–XVII веков // Зримый образ и скрытый смысл. Аллегории и эмблематика в живописи Фландрции и Голландии второй половины XVI –XVII веков. Каталог выставки. – М., 2004.
29. Смирновский П.В. Теория словесности. – М., 1912.
30. Сумароков А. Оды торжественные. Елегии любовные. Репринтное воспроизведение изданий 1774 года. – М., 2009.
31. Успенский Б.А. Избранные труды: Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. – М., 1994.
32. Успенский Б.А. Царь и император: помазание на царство и семантика монарших титулов. – М., 2000.
33. Царь и царство в русском общественном сознании: Сб. ст. / Кол. авт. Институт российской истории РАН. – М., 1999.
34. Чебанюк Т.А. Человек и эпоха в русском портрете XVIII века. – Владивосток, 1999.
35. Чегодаева И.М. Д.Г. Левицкий // История русского искусства. – М., 1961. – Т. 7.
36. Экштут С.А. «Доступим мира мы средины...» Живопись и поэзия как ключ к постижению геополитических планов Екатерины Великой // Вопросы философии. 1997. – № 4.
37. Энциклопедия. Символы, знаки, эмблемы. – М., 2005.
38. Burke P. The Fabrication of Louis XIV. New Haven. – London, 1992.
39. Flier M., Rowland D. (eds.). Medieval Russian Culture. – Berkeley, 1994. – Vol. 2.
40. Gaehtgens T.W., Hochner N. (dir.). L'image du roi de François Ier à Louis XIV. – Paris, 2006.
41. Kantorowicz E. The Two King's Bodies. A Study in Medieval Political Theology. – Princeton, 1957.
42. Wortman R.S. Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy. – Princeton, 1995–2000. 2 vols.



Илл. 2. Аргунов И.П.
Портрет великой княгини Екатерины Алексеевны.
1762. Холст. Масло



Илл. 3. Левицкий Д.Г.
Портрет Екатерины II.
1782. Холст. Масло



Илл. 4. Рокотов Ф.С.
Портрет Екатерины II.
1762. Холст. Масло



Илл. 5. Эриксен В.
Екатерина II
перед зеркалом.
1779. Холст. Масло



Илл. 6. Державин Г.Р.
Сочинения.
1798. Цельногравированный титульный лист



Илл. 7. Портрет Екатерины II.
Вторая половина XVIII века. Гравюра



Илл. 8. Боровиковский В.Л.
Екатерина II на прогулке в Царскосельском парке
с любимой левреткой.
1794. Холст. Масло



Илл. 9. Ротари С.
Портрет великой княгини Екатерины Алексеевны.
Вторая половина XVIII века. Холст. Масло



Гравюра на дереве исполнена в 1762 г.
Прекраса въ съльвѣ Гббнъ старалас прохѣсты,
Дары слах на Гббнъ одну вѣкъ имѣла,
Что бы на ѿрѣдѣ Гббнъ всѣхъ ствѣ боягѣсть,
И наградилъ бѣзѣвъ, она на сѣе наградила.

Илл. 10. Чемесов Е.
Портрет Екатерины II.
1762. Гравюра



Илл. 11. Хааке И.-И.
Портрет Екатерины II в старости.
Конец 1780–1790-х. Бумага. Графитный карандаш



Илл. 12. Эриксен В.
Портрет Екатерины II в шуге и кокошнике.
1769–1772. Холст. Масло